

особенности становления национальных литературных языков в разных странах.

К главам об общественном характере языка примыкает глава о норме, которая одновременно трактуется как собственно языковая и как социально-историческая категория (стр. 559). Теория нормы, дополняющая противопоставление языка и речи, которое имплицитно принимается в книге, содержит много неясного. С одной стороны, практика обучения языку и наблюдения за спецификой использования литературного языка подтверждают необходимость понятия языковой нормы, а с другой стороны, не полностью ясны все-таки критерии определения этого понятия. Возникает также вопрос о целесообразности рассмотрения нормы как общезыковедческой категории, если соотношение языковой структуры с планом ее реализации распространено лишь на флективные языки, а для агглютинативных и изолирующих языков оно объясняется нехарактерным (стр. 558). Все же, в целом рассмотрение понятия нормы представляет интерес, а материал, приведенный в данной главе, свеж и оригинален.

Говоря о построении рецензируемой книги, следует заметить, что при освещении отдельных проблем было найдено хорошее соотношение исторического аспекта и современного состояния, а несколько неравномерное распределение иллюстративного материала обусловилось характером освещаемых проблем. Не во всех главах выдержано равномерное разбиение на разделы и параграфы, а главу о норме следовало бы включить в предыдущую главу о литературном языке. Встречаются отдельные повторения, например, о месте языка среди других знаковых систем.

Несколько слов о терминологии — одним из больших мест современной науки. В целом в книге используются достаточно установившиеся термины, однако,

нередко употребляются новые термины иноязычного происхождения, которые еще не получили всеобщего признания и не включены в словари, имеющиеся в распоряжении советского читателя. Иногда в параллель к ним приведены общераспространенные термины, что уже само по себе «указывает на возможность не пользоваться малоизвестным словом. Ср. неконгруэнтность — непараллельность (стр. 116), арбитрарность — произвольность (стр. 150 и сл.), интралингвистические — внутриязыковые (стр. 219), гипотематический уровень — лежащий ниже уровня предложения (стр. 166) и т. п. Без объяснения введены термины, используемые Л. Призо (их нет в словаре О. С. Ахмановой): нозма, поэтическое поле и т. п. (стр. 146 и сл.); без объяснения введены термин «семантизма» с разными эквивалентами — высказывание (стр. 165), предложение (стр. 167). Вариант лексемы назван «лекс», а варианты морфемы и фонемы названы соответственно «морфом» и «фоном». Все это свидетельствует, что давно пора упорядочить терминоворотство, уделив основное внимание его принципам.

Можно было бы сделать ряд мелких замечаний по поводу неудачных формулировок (приходится отметить особенно наличие наиболее досадных опечаток на стр. 125, 129, 144, 178, 186, 193, 237, 249, 250, 236, 293, 375, 396, 425, 439, 441, 517, 565), поспорить о некоторых примерах, но не в них дело, когда речь идет о большом и серьезном труде. Заметим, что при современном спросе на лингвистическую литературу тираж в 10 000 экземпляров нельзя назвать удовлетворительным.

В целом книга «Общее языкознание» выражает ориентацию ведущего языковедческого учреждения и дает возможность всесторонне проанализировать основные проблемы теоретической лингвистики.

Н. А. Слюсарев

D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johnson. Russian derivational dictionary. — New York, American Elsevier publishing company, INC., 1970. XXIV+747 стр.

Вряд ли есть большая необходимость говорить о том значении, какое имеет выход в свет словаря, посвященного такой наболевшей и вместе с тем далеко еще не решенной проблеме — членности на морфемы слов современного русского языка.

Идея составления словаря морфем сама по себе не нова и была высказана

И. А. Бодуэном де Куртене немногим менее 100 лет назад¹. Значительно позднее, в 30-е годы, она была выдвинута вновь известным американским лингви-

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, Замечания о русско-польском словаре, «Лексикографический сборник», VI, М., 1963, стр. 140—147.

стом Л. Блумфилдом², а затем и его последователями Дж. Трейгером и Л. Смитом³. Однако данная идея долгое время оставалась неосуществленной, если не считать небольшого, содержащего лишь корневые единицы русского языка, словаря Дж. Патрика⁴, вышедшего в 1938 г.

Известным шагом вперед в этом направлении можно, очевидно, считать «Словарь корней русского языка», составленный К. Волконской и М. Полторацкой⁵, появившийся в 1961 г.⁶. Он охватывал относительно большой объем слов русского языка — около 20 тысяч, на базе чего было выделено почти 1300 корневых единиц. Правда, в силу того, что авторами данного словаря были зафиксированы не все наиболее продуктивные корни русского языка, а зафиксированные нередко имели внутри своих гнезд далеко не все образования, и в результате того, что среди корневых единиц, выступавших как заголовочные слова, назывались подчас вовсе не продуктивные корневые морфемы, в известной степени искажалась действительная картина современного русского языка на морфемном уровне. Однако, несмотря на довольно большое число претензий и возражений, которые можно было бы высказать авторам, данный словарь корневых единиц русского языка, безусловно, выполнял свое назначение, ибо он был задуман лишь как учебное пособие для студентов, изучающих русский язык. Больше того, он представлял и некоторый научный интерес, будучи одним из возможных (и притом первых) типов словарей морфем русского языка.

Не останавливаясь на характеристике всех возможных типов словарей морфем русского языка, что вполне может быть

предметом специального исследования⁷, заметим только, что лексикография в большом долгу перед всеми, интересующимися вопросами морфемного и словообразовательного анализа словарного состава современного русского языка. Поэтому возможности выбора типа словаря морфем огромны. Вероятно, такие словари могут отличаться объемом слов, на базе которых они построены, принципами и приемами обработки материала, способами подачи этого материала в самом словаре и еще многими другим. Очевидно, могут быть словари, основными единицами которых будут корневые морфемы (как это имеет место в словарях Дж. Патрика, К. Волконской и М. Полторацкой, как вновь встречаем в рецензируемом словаре), и словари, где на равных правах будут выступать как корневые, так и аффиксальные морфемы (на чем в свое время очень настаивал И. А. Бодуэн де Куртене, а позднее — Л. В. Щерба). Трудно сказать, что интереснее для лингвиста: словари, где каждая словарная статья раскрывает перед нами все слова русского языка, содержащие главную морфему, подчеркивая при этом еще и все возможные окружения, в которых она там встречается⁸, или так называемые частотные словари морфем, характеризующие с разных сторон количественные возможности тех или иных значимых частей русских слов⁹.

⁷ Частично мы уже касались этого — см.: Т. Ф. Ефремова, Опыт составления словаря морфем русского языка, «Р. яз. в нап. шк.», 1969, 4.

⁸ Именно такой словарь морфем русского языка, основными единицами которого будут как корни, так и аффиксы, был задуман и составлен Т. Ф. Ефремовой и А. И. Кузнецовой. В настоящее время данный словарь проходит редакционную подготовку в издательстве «Советская энциклопедия».

⁹ В качестве эксперимента такой частотный словарь был составлен нами и представлен в виде одного из разделов диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Опыт описания структуры современного русского языка на уровне морфем» (М., 1970). В результате количественного анализа рассмотренных единиц было установлено, что около 30 префиксов (из 70 существующих) и почти 90 суффиксов (из 488) реализуются, соответственно, примерно в 150 префиксальных (из 438) и приблизительно 250 суффиксальных (из 3207) последовательностях; последние, строгим образом коррелируя друг с другом, образуют около 250 корневых окружений (из 12 801), которые, взаимодействуя с примерно 400 корневыми единицами (из 4269), создают почти 50 тыс. слов (из 60 125 рассмотренных). За основу исследования был взят «Орфо-

² L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 162.

³ G. Z. Trager, L. Smith, Outline of English structure, Oklahoma, 1951.

⁴ G. L. Patrick, Roots of the Russian language, New York, 1938.

⁵ C. Wolkonsky, M. Poltoratzky, Handbook of Russian roots, New York, 1961.

⁶ Несколько ранее, в 50-е годы, увидел свет «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи, составленный на базе почти 25 тысяч слов. Однако их отбор не отличался большой последовательностью. Кроме того, его вряд ли можно причислить к словарям морфем русского языка: в нем нет ни полного перечня корней, выделенных на базе рассмотренных слов, ни подробного индекса аффиксальных единиц, которые, правда, частично приводятся в приложениях, но в самих словах вычленяются очень непоследовательно, а иногда и просто неправильно.

Можно долго дискутировать о том, какой тип словаря в настоящее время наиболее целесообразен или особенно необходим. Хочется сказать одно: языкознание одинаково остро нуждается в хороших словарях морфем русского языка разных типов. Вот почему, прежде всего, так радует появление рецензируемого нами словаря.

По своей структуре этот словарь, являющийся плодом семилетней работы относительно большой группы исследователей, в целом продолжает уже намечавшиеся традиции американской лексикографической школы. Перед нами — гнездовой словарь слов современного русского языка. Основной единицей его является корневая морфема. Всего в словаре рассматривается примерно 15 тыс. таких корневых единиц, каждой из которых посвящена отдельная словарная статья. За основной вид морфемы выбирается наиболее распространенный вариант корня, который и выступает в качестве заголовочного слова. Все остальные морфы в заголовке не перечисляются, а лишь выделяются в соответствующих словах непосредственно внутри словарной статьи. Последовательность расположения слов, иллюстрирующих тот или иной корень, определяется алфавитом всех его возможных вариантов, который в свою очередь уточняется алфавитом пре- и постпозитивных по отношению к ним элементов. На каждую рассматриваемую морфему приводятся все однокоренные слова, встречающиеся в корпусе данного словаря морфем (о чем см. ниже), в том числе сложные слова, аббревиатуры, написания с дефисом, реже — сочетания с предлогом. Все приводимые слова представлены в их письменной акцентуированной форме и расчленены на

графический словарь русского языка» с определенными, наложенными на него ограничениями). Не останавливаясь на каких-либо подробностях, заметим лишь, что нагрузка, которую несут на себе выделенные единицы, крайне неодинакова. Так, почти 45% существующих префиксов и 20% суффиксов представлены примерно в 90% слов; 5% максимально продуктивных корневых единиц (276 морфем) образуют столько же слов (30 тыс.), сколько остальные 95% корневых морфем; что касается корневых окружений, то 1,5% всех реально существующих (195) встречаются в 50% проанализированных слов, т. е. такое же количество слов приходится на оставшиеся 98,5% корневых окружений. Очевидно, именно эти наиболее продуктивные единицы и следует в первую очередь рассматривать, приступая к изучению современного русского языка с точки зрения его морфологической структуры, в частности, начиная составлять компактный словарь морфем. ■ ■ ■

морфемы, т. е. в пределах каждого слова оказываются выделенными не только корневые единицы, но и все аффиксальные.

Из этого очень краткого анализа структуры словарной статьи сразу же становится ясно, с какими трудностями, нередко до сих пор не решенными однозначно проблемами пришлось столкнуться с составителям данного словаря морфем. Вот главные из них: 1) что взять за основу корпуса словаря; 2) какие принципы членения на морфемы использовать при сегментации исследуемого материала; 3) как наиболее показательно представить в словаре результаты этой огромной, подчас невидной, а поэтому редко оцениваемой процедуры.

В предисловии авторы последовательно раскрывают перед читателями процесс создания словаря морфем, достаточно откровенно делятся своими соображениями и сомнениями как теоретического, так и практического характера, иногда называют иное, не использованное ими, но возможное решение отдельных частных задач. Все это располагает к размышлению над выдвинутыми проблемами, подчас способствует иному, более рациональному решению какого-то вопроса, в значительной степени облегчает работу со словарем, помогая использовать имеющиеся результаты в каких-либо других делах, и, что совсем не маловажно, создает возможность сравнивать результаты данного исследования с результатами исследования, проведенного на том же материале, но рассмотренном под несколько иным углом зрения. Эта научная откровенность, известная самокритичность и достаточно строгая логичность в изложении теоретических положений выгодно отличают данный словарь морфем от его предшественников, облегчая, однако, его критику.

Итак, прежде чем начать составлять словарь морфем русского языка, его авторы должны были решить, что послужит корпусом будущего словаря. После некоторых колебаний за основу современного стандартизованного русского языка был взят «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (4-е изд., М., 1959), насчитывающий около 110 тыс. слов. Выбор этого источника объясняется прежде всего тем, что названный словарь включает максимальное число слов русского языка по сравнению со всеми другими словарями, существовавшими к началу работы (т. е. к 1962 г.). Кроме того, по своей структуре этот словарь значительно удобнее для анализа языкового материала, чем, скажем, толковые словари. Авторы будущего* словаря морфем взяли «Орфографический словарь» за основу, ничего из него не исключая и ничем его не дополняя. Конечно, при всей сложности и новизне задачи, которую авторы перед со-

бою поставили — составить словарь морфем русского языка — они вправе выбрать за основу любой источник. Однако сколь удачен их выбор? Как известно, «Орфографический словарь русского языка», в силу своей специфики, включает много слов «неинтересных» с точки зрения той задачи, которая стояла перед составителями словаря морфем русского языка: так, без каких-либо особых помет он фиксирует много узкоспециальных, заимствованных слов, нередко к тому же единичных образований с тем или иным корнем. По нашим предварительным подсчетам, такие слова составляют примерно 25% общего числа рассмотренных слов, т. е. им отводится около 10 тыс. словарных статей с общим наполнением почти в 30 тыс. слов.

Напомним, однако, что классификация русских словосемейств (word-families) по словообразовательным (точнее было бы сказать — по словосоставным) типам — вот одна из основных задач, которую поставили перед собою авторы рецензируемого словаря. Не лучше ли, с точки зрения решения этой задачи, рассмотреть отдельно исконно русские слова и слова заимствованные. Очевидно, последние будут обладать целым рядом особенностей, характеризующих их структурное оформление, набор морфологических элементов, правила соположения этих элементов в слове и нечто другое. Можно с достаточной очевидностью предположить, что и совокупность принципов членения на морфемы, примененных при сегментации исконно русских слов, не будет тождественной тому набору принципов, которые следовало бы использовать при членении заимствованных слов. Больше того, хотелось бы настаивать на обязательно раздельном членении на морфемы внутри исконно русских слов и внутри слов заимствованных.

Думается, было бы целесообразным, рассмотрев отдельно структурные особенности каждой из этих двух далеко не равнозначных групп слов, сопоставить затем результаты исследования, выявив тем самым нечто общее, свойственное как исконно русским, так и заимствованным словам, и сугубо специфическое, характеризующее лишь ту или иную группу. Анализ общего и частного при сопоставлении структуры исконно русских слов и слов заимствованных наметил бы расчленение всего исследованного материала на три неравные группы. Мы имели бы: 1) корневые морфемы (и, соответственно, все образования с ними), выделившиеся в исконно русских словах и реализующиеся в современном русском языке в словообразовательных (точнее — словосоставных) моделях, обладающих широкой распространенностью; 2) корневые морфемы, выделившиеся в заимствованных словах, но встречающиеся в основном в моделях, свойственных ис-

конно русским словам; 3) корневые морфемы, выделившиеся в заимствованных словах и выступающие в моделях, характерных только для заимствованных слов. Слова первых двух групп, как нам кажется, целесообразно было бы использовать в качестве строительного материала словаря морфем русского языка, что же касается слов третьей группы, то их в корпус такого словаря мы бы не включали.

Правда, предлагая несколько иное решение вопроса относительно состава корпуса словаря морфем, мы со всей ясностью признаем, что вопрос этот очень спорный, а сложность его в первую очередь состоит в том, как и где в современном русском языке провести границу между исконно русскими словами и словами заимствованными. Однако нельзя не подчеркнуть, что решение этого вопроса в том виде, как оно имеет место в данном словаре морфем, влечет за собою целый ряд неточностей, а иногда и просто ошибок, которые наиболее отчетливо проявились при выделении корневых единиц и в процессе членения на морфемы префиксальных и суффиксальных частей заимствованных слов. Так, вряд ли можно согласиться с выделением в словах современного русского языка корней -бус- (авто-бус, троллей-бус), -лоял- (лоял-ный, лоял-ь-н-ост-ь), -люми- (люми-ал, ил-люми-ат-ор, люми-ес-сент-ный), -магер- (в словах парик-магер, парик-магер-ш-а наряду со словами шагер-магер, шагер-магер-ск-ий), -милит- (милит-ар-изм, милит-ар-ист-ск-ий), -пол- (пол-ис), -физ- (гип-о-физ), -фил- (прост-о-фил-я), -фили- (фили-ал), -фитю- (фитю-л-ь-к-а), -фок- (фок-ус, фок-ус-н-ый, но фокус-н-ик). К сожалению, подобные примеры неправильного выделения корня встречаются не только в заимствованных, но и в исконно русских словах: например, -рав- (рав-ный, рав-н-ин-а), -влас- (влас-ть), -волос- (волос-т-н-ой, волос-т-ь) и т. д.

К вопросу о том, включать или не включать в корпус словаря морфем заимствованные слова, и если включать, то какие и на каком основании, тесно примыкает к другой, касающийся наличия или отсутствия в этом корпусе сложных слов. По нашим подсчетам, последние составляют около 15% общего состава слов «Орфографического словаря», т. е. примерно 16,5 тыс. Авторы словаря морфем сложные слова интересуют только с точки зрения их вхождения в те или иные гнезда слов. Такое их использование в корпусе словаря морфем вполне допустимо и даже желательно. Однако встречаются случаи неправильного подведения тех или иных примеров под категорию сложных слов. Правда, чаще всего это относится к заимствованным словам и упирается тем самым в решение выше обсуждавшегося вопроса: в част-

ности, в качестве сложных рассматриваются уже называвшиеся слова *автoбус*, *протoфoл*a, *парикмахер*, а также *скoрлупа* и некот. др.

Итак, более строгий и дифференцированный подход к заимствованным словам и некоторое ограничение их роли в корпусе словаря морфем способствовали бы, как нам кажется, значительному улучшению структуры и состава рецензируемого словаря морфем русского языка.

Вторая, не менее важная проблема, которая встала перед составителями словаря морфем после отбора корпуса, заключалась в выборе наиболее целесообразных принципов членения на морфемы всего анализируемого материала. Общеизвестно, что результаты подобного рода исследований целиком и непосредственно зависят от того, сколь удачно выбраны принципы членения и как последовательно они применены на практике. Проблема членности слов на морфемы является одной из центральных как для советских, так и зарубежных лингвистов, занимающихся вопросами морфемного и словообразовательного анализа. Однако, несмотря на достаточное число работ по данной теме, она до сих пор не имеет однозначного решения, что, с другой стороны, вполне естественно, ибо принципы, которые будут положены в основу сегментации того или иного языкового материала, могут в известной степени варьироваться в зависимости от целей и задач конкретного исследования.

Авторы рецензируемого словаря морфем используют так называемое максимальное, т. е. при расчленении слова на его составляющие (не образующие!) или выделяются и морфемы, обладающие большой распространенностью в современном русском языке, и морфемы, встречающиеся реже, но более, чем в одном окружении, и морфемы, выступающие всего в одном окружении, но выделяющиеся там за счет абсолютной четкости и большой частоты встречаемости соседних элементов. Следует отметить, что при выделении корневых единиц учитывается семантический критерий при достаточно последовательном применении метода сопоставления. Однако господствующим нередко, особенно применительно к исконно русским словам, оказывается исторический принцип, что наиболее ярко видно на примере тех слов, фонетический облик которых изменился под влиянием исторических процессов. Так, в словарной статье на корень *-верт-*, наряду с морфемами *вер-/верт-/вёрт-/верч-/ворач-/ворот-/вороч-/врат-/врач-*, встречаем морфемы *ер-(об-ер-ну-ть)*, *ёр-(об-ёр-ну-ть)*, *ёрт-(об-ёрт-ка)*, *врач-(об-врач-ива-ть)*, *врот-(об-врот)*, *ороч-(об-ороч-е-ни-и-ть)*, *рат-(об-рат-и-ть)*, *рац-(об-рац-а-е-м-ост-ь)*. В словарной статье на корень *-лад-* как его вариант

фиксируется морф *лад-(об-лад-а-ть, об-лад-а-ни-е)*; здесь же приводится неоправданно усеченный морф *лас-*, о котором частично уже говорилось выше (*лас-ть, лас-т-н-ий*), а как его разновидность — морф *лас-(об-лас-ть, об-лас-т-н-ой)*. К сожалению, подобного рода усечения корня не единичны: так, внутри соответствующих словарных статей встречаем морфемы *вес-(по-вес-ть, из-вес-ти-ть)*, *слас-(слас-ть, слас-т-ён-а)* и некот. др.

Принципы объединения корневых морфем в группы специально не раскрываются, но обычно эти единицы алломорфны и находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Однако иногда в такие группы попадают корни, с современной точки зрения очень далекие. Например, в словарной статье на корень *-лез-*, наряду со словами *лез-к-ий, с-лез-ка* и др., приводятся слова *по-лез-н-ый, по-лез-н-ост-ь, лыз-от-ка, лыз-от-н-ый, не-лыз-я, по-лыз-а*. Не менее странно с этой же точки зрения выглядят словарная статья на корень *-лаз-*, где в одном ряду перечисляются слова *лаз-а-ть, с-лаз-лив-ый, лаз-а-о, лаз-т-ь* и некот. др. Аналогичное недоумение вызывает словарная статья на корень *-леп-*, фиксирующая слова *леп-и-ть, не-леп-и-ца, благ-о-леп-и-е, леп-ёш-ка, леп-ёш-еч-н-ик* и им подобные. Хотелось бы, чтобы неточности такого рода встречались в словаре морфем современного языка как можно реже.

Основное внимание в рецензируемом словаре морфем уделено корневым единицам. Аффикальные же (как префиксальные, так и суффиксальные) лишь выделяются, но никак не комментируются, хотя к их вычленению авторы относятся с меньшим вниманием, чем выгодно отличаются от своих предшественников.

Остается выразить сожаление, что в данном словаре морфем, как и во всех предыдущих, мы не имеем, наряду с так называемыми корневыми словарными статьями, словарных статей, посвященных аффикальным морфемам. Однако это нельзя причислять к недостаткам рецензируемого словаря, а мы, очевидно, должны анализировать лишь то, что прямо представлено его составителями. И все же хочется высказать пожелание относительно способа представления результатов такого рода исследований. Очень жаль, что итоги огромной работы обобщаются в словаре лишь содержательно и никак не раскрываются статистическая сторона, которая в значительной степени объективизировала бы наши представления о структуре современного русского языка на морфемном уровне. Хотелось бы знать, например, каково количество корневых морфем, выделенных на базе рассмотренного корпуса словаря, какое число корневых морфем они составляют, сколько из них продуктивных, т. е. имеющих, скажем, не менее десяти образова-

ний, и какие это корни русского языка, как в статистическом отношении распределяется оставшаяся группа корневых единиц; сколько префиксальных (и, соответственно, суффиксальных) морфем было выделено, какие эти единицы, какова их распространенность в словах современного русского языка; какие из существующих префиксальных и суффиксальных отрезков могут вступать в корреляции между собою, образуя тем самым корневые окружения, как много таких окружений, что они собою представляют и одинакова ли их нагрузка в современном русском языке. Вот тот небольшой и, конечно, примерный перечень вопросов, которые возникают в процессе работы с рецензируемым словарем морфем русского языка.

В заключении необходимо отметить следующее обстоятельство: все лексико-графические работы легко критиковать и очень трудно создавать. Может быть поэтому так быстро появляются рецензии на чрезвычайно редко выходящие работы подобного рода. Что же касается данного словаря морфем русского языка, то, несмотря на те замечания, которые уже сделаны или еще будут сделаны, с уверенностью можно утверждать, что он нужен, полезен и найдет широкий круг читателей, ибо интереса не только в экспликационном, но и стимулятивном отношении, заставляя размышлять над проблемой морфологической структуры слова в современном русском языке.

Т. Ф. Ефремова

В. Станков. Българските глаголни времена.—София, 1969. 200 стр.

Книга болгарского лингвиста В. Станкова завершает серию исследований автора, посвященных проблематике болгарских глагольных времен, а также некоторых модальных категорий болгарского глагола¹. В ней подробно в самостоятельных разделах описано значение и употребление каждого из девяти выделяемых автором времен, а также эквивалентных им по темпоральному значению модальных форм, охватываемых рамками болгарского индикатива.

В своем описании автор опирается на понятия общего (основного) значения, присущего форме в любых условиях контекста, и ее частных (в данном контексте) значений, из которых наименее зависимое от контекста рассматривается как *главное*. Употребление формы в несвойственной ей темпоральной функции в условиях контекста, логически противоречащего ее основному значению, квалифицируется как *переносное* употребление, если благодаря ему форма исполняет особые стилистические или модальные функции. Ср., например, настоящее историческое, реферативное, спящего действия, настоящее предрекаемое (стр. 28—52), настоящее потенциальной готовности к осуществлению действия (стр. 52—58); им-

перфект с модальными оттенками неуверенности, догадки, смягченного утверждения о действии в настоящем или будущем (стр. 108—113); плюсквамперфект с модальными оттенками скромности, деликатности, неконкретности сообщения о действии, припоминания или догадки о нем (стр. 124—126); будущее с модальными оттенками потенциальной готовности, долженствования, предполагаемого осуществления действия в настоящем (стр. 138—142) и др. При отсутствии стилистического или модального эффекта сдвиг в темпоральном значении формы рассматривается не как случай нейтрализации ее основного значения, а как самостоятельное значение данной формы, существующее параллельно с ее основным значением (и тем самым, заметим, сводящее на нет определение основного значения как присущего форме в любых условиях контекста). Как самостоятельное значение интерпретируется употребление настоящего времени в функции будущего в придаточных предложениях к главному со сказуемым в будущем времени (стр. 26—28), перфекта вместо будущего предварительного (стр. 81—82), имперфекта вместо будущего в прошедшем (стр. 103—105). При рассмотрении системы темпоральных оппозиций эти значения, отражающие, по мнению автора, более старое состояние болгарского языка, не учитываются. Значительное место отведено также описанию употребления временных форм в некоторых типах придаточных предложений.

Большое внимание в работе уделено исследованию возможностей стилистического использования отдельных темпоральных форм, вытекающих из их

¹ В. Станков, Имперфектът в съвременния български книжовен език, София, 1966; е го же, Модална употреба на глаголните времена в съвременния български книжовен език, «Известия на Института за български език», XV, София, 1967; е го же, Категории на индикатива в съвременния български език, БЕ, 1967, 4.